

ФЕНИКС

ЗАКОН СУДЬБЫ

Алина Кравцова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Кравцова

Феникс. Закон судьбы

<https://litres.ru/73542568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга временно находится в режиме написания «в стол». Я приняла решение приостановить выкладку глав здесь, чтобы полностью сосредоточиться на истории и дописать её до финальной точки без спешки. Я хочу, чтобы эта книга получилась именно такой, какой я её задумала — глубокой, искренней и завершённой.

Основано на реальных событиях

Амелия покидает тесное Зимовье, мечтая о свободе в большом городе, но еще не знает, что судьба уже приготовила для неё испытания, которые не под силу даже взрослому. Это история не о школьных обидах. Это история о том, как в один миг твой мир превращается в зону ожидания между жизнью и смертью.

Девять месяцев неизвестности. Девять месяцев молитв, тишины телефона и статуса «без вести пропавший». Когда единственный человек, ставший твоим миром, исчезает в пламени войны, а ты остаешься один на один с равнодушием системы, ледяным холодом, жестокостью мошенников, наживающихся на горе.

Содержание

ГЛАВА 1. ЗИМОВЬЕ	4
ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	11
ГЛАВА 3. ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ	22
ГЛАВА 4. СБЫВШИЙСЯ СОН	28
ГЛАВА 5. НОВЫЙ ГОД	34
ГЛАВА 6. УКРАДЕННЫЙ ВОЗДУХ	38
ГЛАВА 7. ПЕРЕЕЗД	41
ГЛАВА 8. НАЧАЛО СВОБОДЫ	48
ГЛАВА 9. ТРИ НЕДЕЛИ ТИШИНЫ	54
ГЛАВА 10. ПЕРВЫЙ БУНТ	59
ГЛАВА 11. «ТВОЙ ЗВОНОК»	66

Алина Кравцова

Феникс. Закон судьбы

ГЛАВА 1. ЗИМОВЬЕ

Холод в нашем Зимовье всегда был особенным. Он не имел ничего общего с обычным морозом или вьюгой — это был холод самой земли. Посёлок получил своё имя еще в те времена, когда сюда на зимний прокорм свозили скот со всех окрестных степей. Времена прошли, стада больше не гоняли, а название пришло намертво.

Ирония в том, что климат здесь степной, сухой, а наша речушка на окраине летом почти полностью пересыхала, обнажая потрескавшуюся, измученную жаждой глину. Лето в Зимовье я помню как бесконечную, утомительную муку. Сухая жара тяжёлым маревом стояла над домами, выжигая траву до желтизны уже к июлю. Серая пыль забивалась в самые узкие щели оконных рам, и казалось, что даже сам воздух, которым я дышала, стал безвкусным.

Редкий снег зимой был для нас праздником. Он ненадолго прятал убогость покосившихся заборов и ржавых крыш, превращая всё в чистое, безмолвное полотно. Но праздник всегда длился недолго — снег таял, и под ним снова просту-

пала та же самая, неизменная глина.

Это моя родина. Я обожала приезжать сюда ребёнком, а потом и подростком, пока был жив дедушка. Он один умел скрашивать этот зной, наполняя его красками, которых не было в природе. Он не был мне родным по крови, но относился ко мне лучше всех на свете. А ещё он был неисправимым шутником — его добрые подколки летали по дому постоянно, доставалось и мне, и бабушке. Кажется, именно его юмор удерживал стены нашего дома от серой степной тоски. Я часто возвращаюсь в один момент из детства.

Мне десять лет. Мы едем в машине с бабушкой и дедушкой. Моя сестра тогда только-только родилась. Мы притормозили у магазина с уютным названием «К чаю». Бабушка ушла внутрь, а я попросила её купить монпансье — те самые маленькие сосательные конфеты в жестяной банке. Они стоили сущие копейки. Бабушка вернулась, нагруженная покупками, но без конфет. Стала ворчать, что дома полно шоколадных, но я-то знала — это совсем не то.

— Почему не купила единственной внучке конфет? — спросил дедушка, хитро поглядывая на неё в зеркало и явно готовясь к очередному раунду их вечных споров.

— Она уже не единственная, — отрезала бабушка. Дедушка, не моргнув глазом и мастерски парируя её серьёзность, выдал:

— Взрослая — единственная.

И вышел из машины. Через пятнадцать минут я, абсолют-

но счастливая, ехала на заднем сиденье, чувствуя на языке сладость маленькой конфеты.

Дедушка был крепким, невысоким, чуть полноватым. Его смуглая кожа и тёмные волосы выдавали южные корни, а руки, покрытые татуировками со сложными, будто цыганскими узорами, казались мне одновременно и пугающе сильными, и удивительно мягкими. Но больше всего я любила его глаза — карие, глубокие, видевшие самую суть вещей и всегда искрящиеся смешинкой. Он всегда носил простые клетчатые рубашки, и от него пахло моим самым любимым и уютным коктейлем: ирисками, сухой полынью и махоркой.

Потом мы с родителями временно уехали в другой город. А потом дедушки не стало. Рак — болезнь, которая не знает пощады. На похороны мы не успели. Это был мой девятый класс, сразу после выпускного.

А на десятый и одиннадцатый родители решили, что я уже достаточно взрослая, и оставили меня жить с бабушкой в Зимовье. Папина работа звала их дальше по командировкам. Я без раздумий выбрала комнату дедушки.

— Тебе не будет там страшно? — осторожно спросила бабушка.

Страшно? Нет. Быть не могло. В этой комнате, до сих пор пропитанной запахом старых книг и его табака, я впервые почувствовала себя в единственном по-настоящему безопасном месте на всей земле.

Но даже здесь, под защитой дедушкиных стен, одиннадца-

тый класс напоминал прыжок в бездну. Родители, вечно занятые на работе, ждали от меня только блестящего финиша. Они были понимающими, но очень требовательными — в нашем доме верили, что я их главный успех, и эта вера давила тяжелее любого камня.

Настоящим «цербером» стала классная руководительница, Инна Борисовна. Она чеканила на каждом уроке:— Либо ты сдаешь на высший балл, Амелия, либо навсегда застреваешь в этой пыли. Этот ультиматум гнал меня из дома. Я хватала ключи, уходила в старую машину во дворе и там, в тишине пыльного салона, набирала его номер.

— Дариан... — шептала я.

— Маленькая, ну ты чего? Опять она? — его голос в трубке всегда звучал так спокойно, что мир переставал быть враждебным.

— Она говорит, я не сдам. Дар, я боюсь...

— Послушай меня, Солнце. Ты всё сдашь. Ты просто закрой глаза и представь: пыль Зимовья останется позади, и я буду ждать тебя. Слышишь?

Я закрывала глаза, и мне становилось тепло. Я вспоминала, как всё началось — в приложении для знакомств. Я искала друга, а нашла его. Мы могли болтать по пять часов в день, пока он работал фотографом на Колесе обозрения в Донской Гавани. На заднем плане я постоянно слышала гул толпы и его дежурное: «Здравствуйте! У нас сегодня проходит фотоотчет. Не хотели бы сделать фотографию?». Но за

этой вежливой фразой скрывался человек с израненной душой.

Дариану было девятнадцать. Русые удлиненные волосы, спортивное тело, диплом повара-кондитера с отличием и привычка драться за правду, из-за которой он заканчивал школу на домашнем обучении. Но самым страшным был его «багаж» из прошлого.

Однажды он рассказал мне про Киру. Его подростковая любовь закончилась тем, что её мать, как только Дару исполнилось восемнадцать, подала на него заявление в полицию за изнасилование дочери. Мать просто хотела денег и ради них тайно установила в квартире камеру, записав их близость. На суде Кира не защитила его — она подтвердила слова матери. Чтобы спасти сына от тюрьмы, родители Дариана влезли в долги, которые отдавали до сих пор.

На его руке остался партак — фраза на немецком: «Я люблю только тебя». Он набил её еще до того, как они вместе с матерью втоптали его жизнь в грязь. Но самое поразительное — даже после предательства в суде Дар не мог остаться равнодушным. Мать Киры была жестокой женщиной, она избивала дочь, ломая об неё деревянные табуретки. И когда Кира, рыдая, звонила ему и умоляла: «Спаси меня!», он срывался и бежал на помощь. Не потому, что надеялся всё вернуть, а потому что по-другому просто не умел. Он был таким — преданным до самоотречения. Его сердце было слишком большим для этого циничного мира.

Пока он рассказывал мне об этом, я понимала: для него я — не просто «проект» или «отличница». Я — его Солнце, его шанс поверить, что любовь может не только ранить, но и согревать.

— Знаешь, Солнце, — его голос в трубке стал совсем мягким, — все эти страшилки про экзамены... твои родители и эта Борисовна, они просто пугают тебя. Они думают, что так заставят тебя бежать быстрее. Но ты не слушай. Ты всё равно приедешь ко мне в Донскую Гавань. Ты вырвешься. Я это точно знаю.

Он говорил это с такой уверенностью, будто моё будущее уже было написано им лично, и в этом будущем не было места пыли Зимовья и бесконечным тестам. Его вера была сильнее моего страха.

В ту ночь я заснула в комнате дедушки с телефоном в руке, впервые за долгое время не думая о баллах и оценках.

До того, как Дар появился на перроне, моё Зимовье было не просто местом на карте. Оно было моим личным вакуумом. После двенадцати городов и бесконечной смены лиц, здесь, у дедушки, время будто остановилось. Я чувствовала себя прозрачной. Родители далеко, друзья остались в прошлых школах, а здесь... здесь я была просто тенью, девочкой, которая пьет таблетки от нервных срывов и смотрит в окно на пыльную дорогу. Мое одиночество было тяжелым, как старое ватное одеяло. Каждый вечер я засыпала с мыслью: «Неужели это всё?». Неужели я так и растворюсь в этой

тишине?

Поэтому Дариан не стал для меня просто «парнем из интернета». Он стал единственной ниточкой, связывающей меня с миром, где есть пульс. Он был моим кислородом. И я цеплялась за него так отчаянно, потому что знала: если сорвется эта нить, я окончательно исчезну в серости этого поселка.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Когда он сказал, что приедет, я не поверила. В моем мире парни не срывались с места ради девушки, которую знали всего пять дней. Триста километров пути, зарплата, потраченная на билеты... Я была уверена: в последний момент он передумает. Напишет, что не смог, что дела, что сломался автобус. Я ждала этого «отказа» как чего-то естественного.

Но Дар меня удивил. Он не передумал.

Утро перед встречей было похоже на лихорадку. Я замерла перед зеркалом в дедушкиной комнате. В то время я не была той идеальной картинкой, которую рисуют в журналах. Из-за гормональных таблеток, которые мне прописал врач, я немного набрала в весе. В шестнадцать лет это кажется катастрофой мирового масштаба. Каждое лишнее движение в зеркале вызывало у меня вздох:

— Ну куда я такая? Он посмотрит и разочаруется.

Особенно грудь. Пятый размер в моем возрасте — это был и дар, и проклятие одновременно. Почти все парни, с которыми я общалась до этого, начинали разговор с сальных шуточек или прямых вопросов о размере. Дариан был единственным, кто за все пять дней ни разу об этом не спросил. Для него я была голосом, душой, человеком. Но я всё равно боялась, что реальность его оттолкнет.

Я распустила волосы — они у меня были особенного цве-

та, что-то среднее между русым и светло-рыжим. Если не расчесать их с утра, я превращалась в настоящий одуванчик — пушистый и непослушный.

Надела то, в чем чувствовала себя хоть немного защищенной: обтягивающие черные джинсы, простую майку на бретельках и кожаную куртку. Самый обычный маникюр, минимум косметики и максимум паники внутри.

Дорога до вокзала в Зимовье была как в тумане. Я шла и думала: «Мы просто погуляем. Он посмотрит на меня, поймет, что я не такая, как на фото, уедет и забудет. Пожалеет, что проделал такой путь».

И вот — вокзал. Шум прибывающего транспорта, запах солянки и пыли. Пассажиры выходят один за другим, и вдруг... вот он.

Я замерла. Моей первой мыслью было: «Да ладно! Он правда такой?!». Дар был красив той мужской, уверенной красотой, которая в жизни встречается гораздо реже, чем на экране. Те же русые волосы, та же спортивная осанка. На нем были самые обычные джинсы и серое худи — просто и по-мужски. Дариан. Четвертое апреля — его день рождения, две четверки, символ опоры, которая теперь стояла в паре метров от меня.

Он узнал меня мгновенно. Среди всех людей на перроне его глаза нашли именно мои. У Дара были удивительные глаза — темно-карие, почти шоколадные. Этот контраст с его русыми волосами мгновенно врезался мне в память. Его

взгляд из-за этого казался тяжёлым, глубоким и каким-то магнетическим — я на секунду даже забыла, как дышать.

Мое сердце колотилось так, что кожанка на груди вздымалась. Я всё ещё ждала подвоха: вот сейчас он оценит взглядом мои джинсы, лишние килограммы от таблеток, мой «одуванчик» на голове... и разочаруется. Но Дар просто шагнул навстречу.

— Привет, Солнце, — сказал он.

И всё. Этот голос теперь вибрировал здесь, в реальности. Он не смотрел на мой вес, не пялился на грудь. Он смотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде было столько тепла, что моё Зимовье впервые за шестнадцать лет перестало казаться мне холодным. Дар потянулся обниматься, и как только его руки сомкнулись у меня на спине, все страхи просто затихли. Я почувствовала себя не «проблемным подростком», а кем-то очень ценным.

Стоял сентябрь. Ранняя осень дарила прощальное тепло. Перед выходом я щедро надушилась, и теперь вокруг нас плыл сладкий шлейф пина-колады — мой кокон из тропиков посреди пыльного поселка.

— Надо закинуть сумку, — сказал он, когда мы немного отстранились. — Где тут у вас можно остановиться?

Мы направились к гостинице. По пути Дар попросил зайти в магазин. Я подумала: «Ну, наверное, воды купить с дороги».

Внутри мы прошли прямиком к стеллажам с шоколадом.

— Выбирай любую, — он кивнул на полки. — Какая твоя любимая?

Я замерла. Привычка экономить сработала мгновенно: я быстро пробежала глазами по ценникам и потянулась к самой дешевой плитке. Но Дариан перехватил мой взгляд. Он посмотрел на меня с искренним возмущением:

— Не смотри на цены. Либо ты сейчас берешь свою любимую шоколадку, либо я сам куплю самую дорогую.

В этом был весь он. Я робко взяла молочный ломтик «Несквик» — вкус, который всегда напоминал мне о детстве.

Когда мы вышли из магазина на крыльцо, Дар привычным движением достал пачку. Он курил с тринадцати лет, и теперь, в прозрачном сентябрьском воздухе, запах табака смешался с моим шлейфом пина-колады. Это сочетание не пугало меня. Мой отец курил всю жизнь, так что для меня это был просто запах дома и надежного мужчины.

С гостиницами в Зимовье всё оказалось сурово. В первой не было мест, и нам пришлось идти во вторую. Любой другой начал бы ворчать на убогость обстановки, но Дар отреагировал так, будто всё шло по плану. Оставив вещи, мы наконец-то пошли гулять. Просто в никуда. Мы прошли метров пятьсот, когда нам навстречу на велосипеде выехала моя бабушка. Я внутренне сжалась, но Дар не растерялся. Он чуть кивнул:

— Здравствуйте.

А потом, заметив мою панику, добавил тихим, успокаива-

ЮЩИМ ТОНОМ:

— Не переживайте, всё будет хорошо.

Бабушка оценила его спокойствие и только кивнула:

— Ну хорошо, гуляйте.

Она покатила дальше, а я выдохнула. В тот момент я поняла, что рядом с ним мне действительно нечего бояться.

Мы решили пройтись до самого дальнего парка, чтобы подольше побыть в движении. Вечернее Зимовье постепенно погружалось в сумерки. Я поймала себя на мысли, что влюбилась в него не с первого взгляда, а еще с первого слова в телефоне. Но теперь это чувство обретало плоть.

Когда мы выбрали лавочку в тени старых деревьев, я впервые взгляделась в его лицо так близко. И только тогда заметила тонкую бледную линию на его левой щеке.

— А откуда у тебя шрам? — тихо спросила я. — Только сейчас заметила.

Дар коснулся щеки пальцами, будто проверяя, на месте ли он.

— Не самая веселая история, — ответил он спокойно. — Мне было три года. Я играл в саду у куста сирени, возился с жуками-солдатиками прямо рядом с нашей собакой. Мы всегда так сидели, и всё было хорошо. Но в тот день что-то пошло не так. Никто до сих пор не понял, почему она сорвалась. Она просто вцепилась мне в челюсть. Сейчас-то уже всё нормально, только шрам остался и не хватает одного перекута между косточками на челюсти. Но мне это не мешает.

А тогда родителям пришлось экстренно везти меня в больницу, делать операцию... И она была совсем не бесплатной.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Это был уже второй страшный эпизод из его прошлого. Я видела, что эти испытания не озлобили его. Они сделали его таким — настоящим.

Его руки... Я не могла перестать о них думать. Большие, грубоватые, по-настоящему мужские. Когда мы шли к центру, Дар решил, что хочет быть еще ближе. Его ладонь переместилась с моей руки на талию, собственнически и уверенно.

Среди компании парней я заметила одного — местного. Он сверлил нас взглядом.

— Ты видела? Что это было? — спросил Дар, когда мы прошли мимо.

— Ой, я ему нравлюсь, а он мне — нет. Я его динамлю, вот он и бесится.

— Понятно, — коротко бросил Дар. В его голосе не было ревности, только спокойная готовность защитить.

Мы обошли центральный парк и вышли на аллею.

— Так вот где все красивые девушки живут. В Зимовье, — улыбнулся он, усаживаясь рядом со мной на лавочку.

— А в Донской Гавани что, не красивые?

— Поверь мне, не такие.

Он замолчал на мгновение, а потом перевел тему:

— Я тебе уже свои тайны рассказал. А ты? Не хочешь по-

делиться?

И я рассказала. О том, как с трех лет я моталась с родителями по командировкам. Двенадцать городов, семь школ... О нервном срыве и таблетках, из-за которых я так переживала утром.

— Сейчас всё хорошо? — Дар смотрел на меня серьезно, без тени насмешки.

— Да, более-менее.

— Это радует. Значит... у нас с тобой будут первые взрослые отношения?

Я почувствовала, как щеки обдало жаром.

— Какой шустрый! Я согласия еще не давала.

— Ну, это временно, — он хитро прищурился.

— К концу вечера будешь моей девушкой.

— Посмотрим...

Дар достал телефон.

— Сейчас включу свою любимую песню.

Через мгновение тишину парка прорезали первые аккорды «Лирики». Дар придвинулся ближе и начал тихо петь мне прямо на ухо. Красиво, чисто. По коже пошли мурашки.

Когда песня подходила к концу, Дар незаметно отвел руку за спинку лавочки.

— Это тебе, — просто сказал он.

На его большой ладони лежал сорванный цветок — белый, с нежными фиолетовыми крапинками. В ту секунду я поняла: Дариан не просто сдержал обещание. Он забрал моё

сердце без боя.

— Уже поздно, пора идти, — с неохотой произнесла я.
— Можем по пути зайти в еще один парк, он как раз возле твоей гостиницы.

— Да, пошли, — Дар сжал мою ладонь.

Тишина ночного поселка располагала к серьезным вопросам.

— Сколько вы встречались с Кирой? — спросила я.

— Два с половиной года, — ответил он.

— Я, кстати, хочу быть военным, — вдруг сказал он, и его голос окреп. — Это моё, понимаешь? Я чувствую, что это мой путь. Мне нужно идти в армию. Хочу подписать контракт прямо там.

— Значит, я буду тебя ждать.

— Амелия, это долго. Я могу служить и три года.

— Значит, буду ждать три года. Да хоть десять! — выпалила я. — Главное, чтобы в конце мы были вместе.

Мы дошли до последнего парка. Выбрали самую темную лавочку. Дар обхватил меня за талию и рывком притянул полностью к себе. Первый поцелуй случился именно здесь. Нежный и одновременно страстный, со вкусом табака. Внизу живота всё мгновенно напряглось.

— Неплохо целуешься, — хрипло оценил он.

И тут же продолжил. Дар резко, одним движением, завел мои руки мне за спину, перехватывая запястья одной своей ладонью и лишая меня возможности двигаться. Его сво-

бодная рука скользнула вверх и плотно легла мне на горло. Он чуть сдавил пальцы — властно, контролирующе. Из моей груди вырвался невольный стон. Я чувствовала, что он возбуждился, и эта мужская реакция кружила голову. Благо вокруг была кромешная тьма.

Поцелуй прервался, только когда нам обоим стало не хватать воздуха.

— Если мы сейчас продолжим, мы явно не остановимся, — произнес он.

Мы сидели в тишине.

— Значит, у тебя такие интересные наклонности? — с легкой иронией в голосе спросил он, глядя мне прямо в глаза.

— У меня?! — я растерянно улыбнулась. — Не знаю... не пробовала.

Он замолчал на секунду, а потом задал вопрос в лоб:

— В какой позе больше всего нравится?

Я глубоко вдохнула:

— У меня не было еще ничего. Я девственница.

Дар приподнял бровь:

— А так и не скажешь...

— Понимаешь, — я начала объяснять, — я считаю, что отношения должны развиваться. У меня был опыт... ко мне один приставал. А толку? Со мной никто не видел будущего. А остальные... остальные сразу в лоб спрашивали, какой размер груди. Я что, на проститутку похожа?

Дариан рассмеялся:

— Дебилы, ахахах. И так ведь видно, что грудь не маленькая, зачем об этом спрашивать?

Его слова принесли невероятное облегчение. Он был первым, кто согласился на «будущее».

Мы шли к моему дому. Задрожал телефон. Бабушка.

— Где ты? Поздно уже!

— Не переживай, я уже иду домой. Меня проводят, — ответила я.

Мы подошли к моему забору.

— Дар, я не смогу уснуть, пока ты не напишешь, что дошел и с тобой всё хорошо.

— Хорошо, я тебя понял.

Мы поцеловались на прощание. Я зашла в дом.

— Бабушка, я дома!

— Вы хоть что-нибудь нормальное сегодня ели? Нет? Боже мой! Иди, догони его быстро! Отдай вот. Тут пара бутербродов и банан. Беги!

Я выскочила за калитку. Догнала его силуэт и резко закрыла его глаза ладонями.

— Амелия! Ну ты меня и напугала.

— Я думала, тебя невозможно напугать. Это тебе. Бабушка передала, чтобы ты не был голодным.

Я протянула ему пакет. Дар посмотрел на бутерброды, потом на меня, и в его взгляде проскочило что-то очень теплое.

— Передай ей спасибо. Ну, я пошел.

Мы поцеловались еще раз и наконец разошлись.

ГЛАВА 3. ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ

Я проснулась задолго до будильника. Сон не шел — внутри всё вибрировало от предвкушения. Мне хотелось украсть у этого дня каждую секунду, каждый общий вдох. Я быстро собралась и буквально полетела к гостинице по просыпающимся улицам Зимовья.

Дар вышел на крыльцо в тот самый момент, когда я подошла. Вид у него был помятый и заспанный, но это только добавляло ему обаяния.

— Привет, — заговорил он, и я едва не споткнулась.

Его голос... Боже мой. Утро придало ему ту самую хрипотцу, от которой по спине пробегает стадо мурашек. Он звучал еще ниже, еще мужественнее, чем вчера. Дар привычным жестом достал сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Привет, — выдохнула я, стараясь не пялиться слишком открыто.

— Как спалось? — спросил он, затягиваясь и щурясь от первого утреннего солнца.

— Долго не могла уснуть. И встала слишком рано... — призналась я.

— А у меня глаза слипаются, — он усмехнулся, — а еще впереди дорога домой. Кстати, где тут можно перекусить?

Я улыбнулась. Сама я была сыта по горло — бабушка с

утра устроила настоящий праздничный завтрак, не выпуская меня из дома, пока я не доела всё до последней крошки. Но Дару с его аппетитом явно требовалась подзарядка.

— Как насчет местного рынка и легендарных чебуреков? — предложила я. — Там всегда очередь, а в Зимовье это лучший знак качества.

— Пошли.

Мы двинулись в сторону рынка. Утреннее Зимовье жило своей суетливой жизнью: бабушки с ведрами лесной ягоды, пыльные прилавки, крики зазывал. Но мы шли сквозь эту толпу, будто накрытые невидимым куполом. Дар шел рядом, всё еще немного сонный, периодически задевая моё плечо своим, и я чувствовала: этот день, несмотря на скорый отъезд, принадлежит только нам.

Я ловила на нас взгляды прохожих. В маленьком поселке новый человек — событие, а такой, как Дар — гром среди ясного неба. Но ему было абсолютно плевать. Он не замечал ни косых взглядов, его интересовала только еда.

— Тебе купить? — спросил он, когда мы подошли к прилавку, от которого шел умопомрачительный запах жареного теста и мяса.

— Нет, спасибо. Уйти от бабушки и не поесть — это что-то из области фантастики, она меня уже до отвала накормила.

— Ахах, это я вчера заметил. Может, тогда сок?

— Вот от него не откажусь.

Мы отошли в ближайшую аллею, где можно было присесть на старую скамейку в тени деревьев. Он с аппетитом принялся за чебурек, а я потягивала сок, наблюдая за ним.

— Что про меня бабушка расспрашивала? — спросил он между делом.

— Всё стандартно. Где учишься, кем хочешь быть, где живешь... И про родителей. Я рассказала всё, что знала на тот момент.

Дар замер на секунду, глядя куда-то вдаль.

— Я так понимаю, про родителей ты не сказала, потому что я сам ничего не рассказывал.

— Ну да.

Он отложил еду и посмотрел на меня серьезно, как никогда.

— Я казак, Амелия. Мой отец — атаман в хуторе Казачий Ерик, это рядом с Донской Гаванью.

Я замолчала. Слово «атаман» отозвалось во мне чемто древним и строгим. Теперь его шрам, его хватка и манеры складывались в четкую картину. Он не был просто парнем с окраины. За его спиной стояла история, где слово мужчины — закон.

— Сейчас казачество для многих — чистая формальность, — продолжил он, глядя на свои руки. — А раньше они были опорой империи.

Он перевел взгляд на меня:

— Что насчет твоей родни?

— Прабабушка и прадедушка из разных городов. Прадед прошел всю войну, гнал немцев до самого Берлина и вернулся домой живым. У него орден. Потом они переехали сюда. Здесь бабушка встретила дедушку — он из другой области приехал. А папины родители — те местные, исконные.

Дар слушал внимательно. Когда я закончила про прадеда-героя, он серьезно кивнул.

— Я б твоему прадеду руку пожал, — веско произнес он. В этой фразе было всё: и его отношение к службе, и его понимание чести. Мне стало невероятно гордо.

Мы решили пройти до автостанции пешком. У нас было еще пара часов — последние капли нашего общего времени.

— Так не хочу, чтобы ты уезжал, — прошептала я, крепче сжимая его руку.

— Не переживай, — ответил он со своей фирменной уверенностью. — План такой: я ухожу в армию, ты здесь доучиваешься. Поступаешь в институт в Донской Гавани, а там и Новый год — я приеду в отпуск. Всё будет нормально.

— Ты так просто об этом говоришь...

— А что переживать? Всё так и будет.

Мы шли мимо старых посадок. Внезапно Дар остановился у раскидистого дерева.

— Давай я тебе оставлю напоминание в твоем поселке?

Он полез в сумку и достал складной нож. Лезвие холодно блеснуло на солнце.

— Ты его всегда таскаешь с собой? — я невольно сделала

шаг назад.

— Ну да, мало ли, пригодится. Я же разведчиком хочу быть, как отец. С детства привык, что в кармане должно что-то быть.

Он подошел к стволу и начал сосредоточенно снимать куски старой коры. Я наблюдала за его сильными руками — нож в них казался послушным инструментом. Через пять минут на светлом дереве проступили ровные линии: «Д + А» внутри неровного сердца.

— Это очень мило... — у меня предательски защипало в носу.

— Это останется навсегда, — коротко бросил он, складывая нож. — Будешь приходить сюда и вспоминать.

На автостанции уже суетились пассажиры. Время вышло.

— Предлагаю сделать фото на память, — сказала я, чувствуя, как голос начинает дрожать.

Я достала телефон. Пара щелчков — и наши лица застыли в цифровой памяти. Первые совместные кадры.

— Не грусти, пожалуйста, — Дар притянул меня к себе. — У нас остаются наши разговоры. Мы на связи.

Глаза мгновенно стали мокрыми. Последний поцелуй был горьким, пропитанным неизбежностью. Он зашел в салон, сел у окна и помахал рукой. Я стояла на перроне, пока автобус не скрылся за поворотом, оставив после себя лишь облако серой пыли.

Внутри образовалась звенящая пустота.

«Надо музыку включить, — подумала я, вытирая щеку. — Музыка поможет».

Я включила первую попавшуюся песню и замерла. В наушниках зазвучало: «Через 10 лет, я знаю, найдется повод набрать...».

Я снова подошла к «нашему» дереву. Остановилась на минуту, глядя на свежие надрезы. Сфотографировала их и пошла в сторону дома.

Зимовье снова было прежним, но я — я уже была другой.

ГЛАВА 4. СБЫВШИЙСЯ СОН

Первые дни после отъезда Дара я была похожа на тень. Зимовье, которое на пару дней превратилось в декорации к фильму о любви, снова стало просто пыльной дырой. Я ходила по тем же дорогам, видела тех же людей, но всё вокруг казалось выцветшим. Это как если бы тебе показали яркий, цветной сон, а потом резко разбудили в холодном сарае.

Я по привычке заходила в парк. Садилась на ту самую лавочку, смотрела на дерево с нашими буквами и... плакала. Не навзрыд, а просто — тихо катились слезы от осознания, что его нет рядом. Каждый звук уведомления в телефоне заставлял сердце подпрыгивать до самого горла.

Дар уехал в Донскую Гавань — большой, шумный город. В Казачьем Ерике осталась их семейная дача, а его будни кипели там, за триста километров отсюда. Мои же — замерли. Человек ко всему привыкает, и я научилась жить в двух мирах одновременно: один был здесь, с дедушкиной комнатой и подготовкой к экзаменам, а второй — в маленьком светящемся прямоугольнике телефона.

Наше общение превратилось в бесконечный сериал из «Доброе утро, люблю» и «Доброй ночи, люблю». Но однажды в этот привычный ритм ворвалось слово, которое заставило меня напрячься.

— У меня завтра проводы в армию, — сказал Дар во время нашего звонка.

— Жаль, что я не смогу приехать... Меня не отпустят, мне ведь только шестнадцать, — я вздохнула, ковыряя край одеяла. Хотя семнадцать должно было исполниться совсем скоро, в декабре.

— Ничего страшного, я тебе всё буду фоткать! — ответил он своим уверенным, хриплым голосом. — Хорошо...

— Кстати, на проводы приедет моя подруга.

— Подруга?.. — мой голос непроизвольно дрогнул.

— Да, Ира, помнишь, я рассказывал? Мы с двенадцати лет знакомы. У неё эпилепсия, её нельзя оставлять одну. Я за неё ответственность несу, один раз даже от приступа спасал. Я обязательно с ней сфоткаюсь и пришлю тебе. Вы потом познакомитесь.

В день проводов я не находила себе места. Пытаясь хоть как-то коснуться его мира, я набрала его номер.

— Алло? — ответил женский голос. Спокойный и взрослый.

— А... здравствуйте. Вы не подскажете, где Дар?

— А, мне не хватило ингредиентов для салата, он убежал в магазин, — ответила его мама так просто, будто знала меня сто лет. — Как придет, я скажу, чтобы он перезвонил.

— Спасибо большое. До свидания.

Я положила телефон. Она знала о моем существовании — это было важнее любых клятв. Вечером Дар прислал обе-

щанное фото с Ирой. С экрана на меня смотрела действительно милая девушка. Я изо всех сил отгоняла мысли, убеждая себя: «Если бы они хотели быть вместе — были бы».

«Она милая», — написала я в ответ, стараясь верить собственным словам.

Я сидела, смотрела какой-то фильм и переписывалась с ним. Тогда мне казалось, что всё действительно хорошо. Я еще не понимала, что это были последние часы, когда я могла услышать его голос в любое время.

Проводы прошли, но армия внезапно дала осечку. Изза той самой ситуации с Кирой и следствием Дара не забрали сразу. Пока родители «разруливали» последствия его бурного прошлого, Дариан застрял в Донской Гавани.

Прошло три недели наших телефонных отношений. Три недели надежд и планов. А потом мне приснился сон. Кошмарный, липкий, из тех, что оставляют после себя привкус пепла во рту. Мне приснилось, что мы с Даром расстались. Я проснулась в холодном поту с желанием разрыдаться. Мои плохие сны имели скверную привычку сбываться с пугающей точностью.

Весь день я была как на иголках. Ближе к вечеру раздался звонок.

— Алло, — я ответила мгновенно.

— Амелия? — голос Дара был каким-то чужим, тяжелым.

— Да. Что-то случилось?

— Понимаешь... Я пошел отвлекаться. Ситуация с арми-

ей конкретно достала, нервы ни к черту. Пошел пить в компанию друзей. В общем, я напился. И тут она...

— Кира? — я произнесла это имя как приговор.

— Да, она. И я понял, что пока не разобрался в отношениях с ней. Нам надо расстаться, Амелия. Я тебе не изменял, честно. Просто позвонил сказать всё как есть.

Мир вокруг меня рухнул. Тот самый «честный казак», который вырезал буквы на дереве, сейчас ломал меня через колени из-за девицы, которая едва не отправила его за решетку.

— Как ты мог?! — закричала я, и слезы хлынули потоком. — Иди в жопу, тварь!

Я сбросила звонок. В комнате воцарилась мёртвая тишина. Сказка закончилась.

Я редела навзрыд, задыхаясь от беспомощности. В комнату влетела мама — родители как раз приехали в Зимовье в отпуск.

— Что случилось?! — она испуганно подбежала ко мне.

Я, захлебываясь слезами, рассказала всё: про звонок, про Киру, про его «я не разобрался».

Мама выдохнула с явным облегчением и присела на край кровати.

— Господи, Амелия, не пугай так... Я думала, его избили сильно или, не дай Бог, убили.

— Лучше бы так! — выпалила я сквозь зубы.

Как же сильно я тогда ошибалась... Если бы я только знала, какую цену придется заплатить за эти слова позже.

— Тебе нужно отвлечься, — мама погладила меня по плечу. — Поверь, он не последний в твоей жизни. Переболеешь.

Она ушла, оставив меня в звенящей пустоте. Разумом я понимала: она права. Но казалось, что вместе с этим звонком у меня вырвали позвоночник — я не могла ни дышать, ни просто быть.

Через неделю телефон ожил. Знакомое имя на экране вызвало липкую тревогу.

«Привет. Прости, что так произошло. Я повел себя как скотина», — началось его покаяние.

Я читала и не чувствовала ничего. Пустота внутри была надежнее любого щита. А дальше пошел текст, от которого меня чуть не стошнило.

«В общем, Кира же мне должна денег, точнее моим родителям. И она тогда сказала, что если я тебе позвоню и расстанусь, то она отдаст пять тысяч. Это был спор. Я понимаю, мне нет прощения, я хотел просто извиниться. Мы не помирились, я и не собирался».

Пять тысяч. Моя любовь, наши ночи в парке и его обещания стоили ровно пять бумажек с Хабаровском. В голове не укладывалось: она была настолько уверена в своей власти, что поставила такое условие? А он — просто подчинился. «Если не мой, то ничей» — её логика работала безупречно. Она уничтожила нас его же руками ради забавы и закрытия долга.

«Амелия...» — высветилось новое сообщение.

— И зачем ты мне это пишешь? — мои пальцы летали по клавиатуре, чеканя каждое слово. — Просто хотел, чтобы ты знала.

— Узнала. Дальше так же не появляйся, пожалуйста.

Как не появлялся всю эту неделю.

— Понял. Еще раз извини.

Я закатила глаза так, что стало больно. В голове не было красивых книжных фраз — только сплошной, отборный мат. Это было не просто расставание, это было унижение. Тот, кого я считала скалой, оказался карточным домиком, который сложился от одного щелчка бывшей девчонки.

ГЛАВА 5. НОВЫЙ ГОД

Мы не общались уже больше месяца. Свой день рождения, 11 декабря, я отметила как в тумане. Старательно делала вид, что у меня всё хорошо: улыбалась, принимала поздравления, но на самом деле мне было плевать. С исчезновением Дара мир выцвел.

Единственное, что удерживало меня на плаву — учеба. Впереди маячило итоговое сочинение. 350 слов, решающих всё: допуск к экзаменам или крах. Не знаю, откуда во мне взялись силы, но вместо нормы я накатала почти 500 слов. На экзамен я пришла совершенно ненакрашенная — жаль было тратить время на лицо, за которым внутри скрывалась пустота.

Прошла неделя, наступили каникулы. Сочинение я сдала, и это стало единственной радостью. Глядя на наших учителей в поселке, я вообще не понимала, как мы будем сдавать ЕГЭ. Казалось, образование в Зимовье застыло: нас заставляли бесконечно пересказывать тексты, создавая лишь имитацию подготовки.

Мне было с чем сравнивать. На севере у меня была классная руководительница — строгая, по-настоящему человеческая. Она готовила нас так, что репетиторы были не нужны. Здесь же нам твердили обратное. Мысли о школе спасали —

это было лучше, чем каждую секунду думать о Дариане.

31 декабря. Подготовка к Новому году шла полным ходом. Дома собрались все: родители, бабушка, сестра. Я резала салаты, суетилась на кухне, но мир оставался серым. Никакого предчувствия чуда. За четыре часа до боя курантов я наконец осталась одна в комнате.

Я решила: раз праздник, я просто напишу ему. Поздравлю и закрою эту тему навсегда. Открыла чат, который долго игнорировала.

— Привет. С наступающим Новым годом!

Отправила и выключила телефон. Сердце пульсировало в висках: «Амелия, что ты творишь?». Но ответ пришел почти сразу.

— Привет. И тебя с наступающим. Как дела?

— Нормально.

— Всё сдала?

— То, что было в декабре, да.

— Умница, а я в армии.

Я замерла.

— Как? Уже?

— Ну да, у родителей всё-таки получилось.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Наступила пауза. Я знала, что он всегда хотел быть военным, для него это было началом пути. Но тишина в чате давила, пока не всплыло сообщение:

— Ты кого-нибудь нашла?

— И не собиралась. Из моей головы один парень не выходит, поэтому ни с кем другим не хочу.

— Интересно, кто он?

Он явно сомневался. Дар и раньше часто спрашивал, почему за мной не бегают толпы парней, будто не верил в мою верность.

— Я думаю, ты его очень хорошо знаешь. Обидел меня тут недавно.

— ...прости меня, если можешь.

— Честно... я уже простила.

Я не верила собственным пальцам. Где моя гордость?

Но на часах было 23:45, и воздух будто наэлектризовался.

— Можно мы начнем всё сначала?

Новогоднее чудо или самая большая ошибка?

— Думаю, стоит.

Он тут же прислал фотографию: сослуживец рядом, казенная обстановка.

— В этом году такой Новый год.

Я сорвалась с места. Сбросила домашнюю одежду, натянула черную юбку и обтягивающую кофту. Сделала быстрое фото в зеркале.

— А у меня вот такой.

— Красивая.

— Спасибо. Меня зовут к столу, я побежала.

— Возвращайся.

— Ну, я уже, видимо, никуда не денусь.

Я шла к праздничному столу, и серое Зимовье впервые за долгое время начало обретать цвета. Дар прислал еще одну фотку — их праздничный «паек». На столе у солдат были только мандарины. Пока мы сидели перед горами салатов, он там, в казарме, чистил мандарин и думал обо мне.

— С кем там переписываешься? — неожиданно спросила мама.

— Да так... с подругой, — ответила я, не поднимая глаз.

Я не хотела портить ей праздник. Я слишком хорошо знала, какое возмущение вызовет новость о нашем примирении. Никто бы не понял.

И вот — бьют куранты. В голове, перекрывая звон бокалов, только одна мысль: «Это лучший подарок. Больше мне ничего не надо».

Мы вышли на улицу запускать салюты. Весь поселок высыпал во дворы, папа сосредоточенно готовил коробку с залпами. И когда в черное небо один за другим начали взлетать огненные цветы, я почувствовала, как по щекам катятся слезы.

Я плакала не от горя, а от того, что для меня это было самое невероятное начало года. В ту новогоднюю ночь я снова обрела почву под ногами, даже если эта почва находилась за сотни километров от меня, в военной части.

ГЛАВА 6. УКРАДЕННЫЙ ВОЗДУХ

Январские каникулы тянулись, как густой мед. В доме было тихо, но эта тишина не расслабляла, она давила. Я устроилась в дедушкиной комнате на диване, поджав под себя ноги по-турецки, чтобы ноутбуку было на чем стоять.

Старый ноутбук — мой трофей за четвертый класс, выстраданный ради единственной «четверки» — натужно гудел на коленях. Он был медленным, экран порой мерцал, но его хватало, чтобы открыть наш чат и почувствовать себя на связи с миром. С Даром. Диван стоял прямо у входа, спинкой к двери. Идеальная позиция для того, кто хочет напасть со спины.

Я была полностью в переписке. Буквы на экране были моим спасением, моим личным секретом. И вдруг — резкий, холодный голос над самым ухом, разрезавший тишину, как лезвие:

— С кем это ты там?

Я вздрогнула всем телом, ноутбук едва не съехал на пол. Мама. Она вошла бесшумно, как тень, и уже несколько секунд жадно впитывала каждое слово на моем экране. Она не постукала, не спросила — она просто взяла то, что считала своим. Мои мысли.

— С кем? С Дарианом?! — мама выплюнула это имя так, будто оно было ядовитым. — Ты что, дура?!

Я видела, как её взгляд буквально впивается в строчки нашей переписки. В тот момент Дариан был для меня всем: спасательным кругом, единственным человеком, который понимал мой хаос. А для неё он был просто очередной «ошибкой», которую она решила пресечь на корню. Моё личное пространство схлопнулось до размеров экрана старого ноутбука, который теперь казался мне не защитой, а уликой.

Папа нашёл работу здесь, в Зимовье, и родители вместе с моей сестрой Радой окончательно обосновались в доме. Жизнь превратилась в полосу препятствий. Любая моя оценка, любая «тройка» или нежелание часами зубрить учебники перед экзаменами превращались в повод для шантажа.

— Не будешь учиться — я заберу у тебя телефон, — чеканила мама.

Она знала, куда бить. Телефон был моей последней нитью, связывавшей меня с Дарианом. В какой-то момент она действительно его отобрала. Я осталась в изоляции, запертая в стенах дома без возможности даже сказать «люблю» или «рядом». Это была самая настоящая пытка тишиной.

Помощь пришла неожиданно. Бабушка, видевшая всё это, дождалась момента, когда мамы не будет рядом, и втихаря протянула мне свой мобильный.

— На, — тихо сказала она. — Позвони ему. Скажи, что случилось, чтобы парень не терял тебя.

Я схватила трубку, как спасательный круг. Прячась в ком-

нате и прислушиваясь к каждому шороху, я набирала знакомый номер. Этот звонок, совершенный тайком, пока мама не видит, был моим единственным способом остаться собой. В этом доме у меня больше не было открытых дверей, только короткие минуты украденной свободы, пока телефон бабушки был в моих руках.

Его голос в бабушкиной трубке звучал так, будто он был из другого мира. Там не было скандалов, не было оценок и вечного чувства вины.

— Солнце, ну ты чего? — он почти улыбался, и я кожей почувствовала это спокойствие. — Потерпи. Несколько дней тишины — это не конец света. Они вернут телефон. Всё будет хорошо.

Я слушала его, забившись в угол комнаты и зажав трубку плечом, а внутри всё дрожало. Мне казалось, что если я на секунду перестану слышать его дыхание, стены этого дома меня просто раздавят. Но он продолжал говорить — про наше будущее, про то, что я перееду, что скоро этот кошмар под названием «Зимовье» останется просто плохим сном.

Он обещал мне свободу. И в тот момент я верила ему больше, чем самой себе. Его спокойствие было моим единственным обезболивающим.

ГЛАВА 7. ПЕРЕЕЗД

В феврале мир начал меняться. Сначала это были просто заголовки в новостях — сухие сообщения о странном вирусе где-то на другом конце света. Мы слушали это краем уха, как очередную страшилку из телевизора, не подозревая, что скоро эта зараза, которую я позже назову Красным гриппом, перевернет всё с ног на голову.

Изоляция пришла в наш поселок внезапно. Школы захлопнулись, улицы опустели, и Зимовье погрузилось в странное, вязкое оцепенение. Нас перевели на домашнее обучение, и для многих это стало трагедией, но для меня — долгожданным спасением. Наконец-то замолкли голоса учителей с их вечным «вы ничего не сдадите» и «вы не потянете». Весь этот шум, который годами выедал мне мозг, просто выключился. Наступила тишина, в которой я наконец-то смогла принадлежать самой себе.

Май в Зимовье наступил резко и жарко. В наших краях это норма: только вчера была весна, а сегодня уже палит солнце, и воздух становится густым от запаха цветущей сирени и первой пыли. Я просыпалась тогда, когда мне хотелось — без дурацких звонков на первый урок. Вставала, выходила во двор и просто шла босиком по траве. Она уже была теплой, по-летнему колючей и щекотала лодыжки.

Я помню, как сидела на качелях в саду, глядя на пустую дорогу. Мир замер. Не было машин, не было суетливых соседей — только жужжание пчел и далекий лай собак. Это чувство абсолютной свободы — когда под ногами твоя земля, а над головой мир, который поставили на паузу ради тебя, — было бесценным. В такие минуты мне казалось, что я — главная героиня фильма, у которой наконец-то начался самый важный эпизод.

Дни тянулись медленно. Мой график теперь зависел только от меня. Я открывала ноутбук, обкладывалась тестами, но без школьного прессинга всё давалось легче. Подготовка к экзаменам стала похожа на медитацию: я решала задания, попивая чай, и никто не стоял над душой с секундомером. Но всё это было лишь фоном. Главным был Дариан.

Карантин стер границы. Теперь мы были на связи столько, сколько хотели. Я могла часами сидеть над учебниками, а в наушниках всё это время звучал его голос. Он был моим спокойствием. Пока люди в новостях паниковали, он просто был рядом, по ту сторону экрана.

— Потерпи, — говорил он своим уверенным голосом. — Закончишь этот этап, и всё изменится. Ты переедешь в Гавань, и мы начнем нашу жизнь. Такого, как сейчас, больше не будет.

Я смотрела на залитую солнцем пустую улицу и знала: эти экзамены — не просто формальность. Это мой билет на волю. Мой шанс навсегда оставить Зимовье за спиной. В тот

жаркий май я верила, что всё самое страшное в мире — это какой-то далекий вирус, а впереди меня ждет только бесконечное лето и наша с ним общая свобода.

Окончание школы оказалось максимально будничным. Мой последний звонок прошел в объективе камеры: я сидела в комнате в праздничной блузке, глядя на россыпь маленьких окошек в приложении. Мы посмотрели друг на друга через экраны, вяло обменялись дежурными фразами — и на этом всё. Я нажала кнопку отбоя без тени сожаления. Экран погас, и я тут же забыла о том, что только что «официально» закончила одиннадцать лет учебы.

В следующий раз я увидела одноклассников только на экзаменах. Нас собрали в чужой школе — холодном, пустом здании, которое пахло хлоркой и страхом. Мы стояли в очередях, соблюдая дистанцию, и я ловила себя на мысли, что мне абсолютно всё равно. Многие девочки ныли, что у нас «украли праздник», что не будет выпускных платьев и вальса. Я этих чувств не разделяла. У меня уже был мой идеальный праздник: в девятом классе, в другом городе, с людьми, которых я понастоящему любила. Тот выпускной был настоящим. А этот... этот я бы и сама пропустила.

Мне не хотелось обниматься с людьми, которые за эти два года так и не стали мне близкими. В чужой школе я просто делала то, что должна: заполняла бланки, сдавала тесты и считала минуты до выхода. Когда я сдала последний листок, я не чувствовала себя «взрослой». Я чувствовала себя

человеком, который наконец-то закрыл скучную книгу и готов открыть ту, которая ему действительно интересна.

Вручение аттестатов всё-таки устроили. Я держала синюю корочку и смотрела на одноклассников. В этот момент пропасть между нами стала размером с каньон. Они всерьез спорили о цвете выпускных лент и о том, как обидно остаться без банкета. Я слушала их и вспоминала своих ребят из девятого класса. Там всё было легче, на приколе — мальчишки могли предложить надеть розовые ленты просто чтобы было весело. А здесь всё было пропитано тяжелым духом «традиций», которые мне были чужды. Я забрала свой аттестат и ушла. Мне не нужно было прощальных фото и обещаний писать друг другу в мессенджерах. Эта школа была просто остановкой, которая слишком затянулась.

После получения аттестатов наступило липкое ожидание. Изоляция продолжалась, но теперь тишина в доме не казалась мне спасительной — она была наэлектризована предчувствием. Первые баллы пришли по гуманитарному предмету. Я даже не готовилась — просто выехала на том, что всегда его чувствовала. Результат — «отлично». Я была уверена: если первый барьер пал так легко, то и остальные я перешагну не глядя.

Но второй экзамен сбросил меня с небес на землю. Несдача.

Внутри всё оборвалось. Когда я увидела цифры на экране, мне показалось, что пол уходит из-под ног. Дома начался

настоящий ад. Родители устроили мне судилище, которого я не забуду никогда. Они не пытались разобраться, почему так вышло — им нужен был виноватый.

— Это твой Дариан виноват! — кричала мама, и её голос эхом отдавался в пустых коридорах. — Ты променяла своё будущее на него! Ты в экран смотрела, а не в учебники!

Они выплескивали в его адрес столько яда, будто он лично стер мои ответы в бланках. В их глазах он был паразитом, который забирал меня у «нормальной жизни». Я слушала их крики, забившись в угол своей комнаты, и чувствовала ледяную пустоту. Больше всего меня поражала их слепота. Они не понимали главного: их ярость была бесполезной. Я не могла щелкнуть пальцами и вернуться в тот душный класс, чтобы всё исправить. Всё уже случилось. Третий экзаме́н я сдала на средний балл — просто на автомате, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Дариан, как и всегда, был моим единственным трезвым голосом. Пока дома всё искрило от напряжения, он спокойно слушал меня в трубку.

— Слушай, — тихо говорил он, — ну ничего, бывает. Не паникуй. Всё равно в Гавань поедешь. Не поступишь в институт — пойдём в колледж. Просто подожди, пока они перепсихуют.

К концу июля шторм в доме начал стихать. Родители поняли, что криками баллы не прибавишь. Пришлось быстро искать запасной вариант. В августе мы поехали в Донскую

Гавань. Город встретил нас изнуряющей жарой. В колледже мне объяснили: «Нужно оставить оригинал аттестата сразу». Это был момент истины. Я выбрала место, где программа была ближе всего к моей цели, и оставила документы.

Вернувшись в Зимовье, я только и делала, что обновляла списки на сайте. И наконец нашла свою фамилию. Со своим баллом 4.6 я прошла уверенно.

Внутри наконец-то отпустило: всё, я студентка, я еду.

Меня повезли в Гавань на машине. Высадили в центре — мне нужно было самой донести фотографии.

— Разберешься? — спросили родители.

— Разберусь.

Я осталась одна посреди огромного города. Гавань оглушила меня после тишины поселка. Шум машин, толпы людей, запах кофе и раскаленного асфальта — всё это казалось разъяренным океаном. Я открыла карты в телефоне и пошла вперед. Путая повороты и сверяясь с синей точкой на экране, я всё-таки нашла колледж. Это была моя первая маленькая победа — я сама справилась в этом лабиринте. Потом я так же самостоятельно нашла нужную остановку и доехала до дома.

Первого сентября мы поехали на учебу все вместе. Шестилетняя Рада сидела рядом в автобусе, прижавшись носом к стеклу. До колледжа нужно было ехать целый час. Я смотрела на улицы Гавани и прикидывала: каждый день я буду проводить в пути два часа. Но меня это не пугало. Наоборот,

я понимала, что теперь свободы станет в разы больше. Эти два часа в день будут принадлежать только мне — моей музыке, моим мыслям и моим бесконечным разговорам с Дарианом.

ГЛАВА 8. НАЧАЛО СВОБОДЫ

Первое сентября в Донской Гавани было насквозь пропитано ожиданием. Пока шла линейка, родители вместе с маленькой Радой стояли чуть в стороне. Я видела их краем глаза — они ждали момента, когда официальная часть закончится, чтобы окончательно передать меня в руки новой жизни. А я в это время уже вовсю осваивалась.

Ещё до начала учёбы мы списались с девочками из группы в мессенджере. Завязался спор: кто в группе самая «старшая»? Оказалось — я. Большинство пришли после девятого класса, а мы с Мией выделялись. Она ушла после десятого, я — после одиннадцатого. Эта разница в год и общий опыт нас сразу сблизили. На линейке я быстро её отыскала, и мы держались вместе, как две взрослые женщины среди вчерашних детей.

Первое знакомство с правилами колледжа вышло эффективным. Одна из одноклассниц, едва закончилась линейка, решила закурить прямо на площадке перед входом. Видимо, почувствовала вкус воли. Но свобода закончилась быстро: к ней тут же подлетела завуч.

— Ещё раз увижу здесь сигарету — выпишем штраф! — отчеканила она. — Это территория колледжа, курить запрещено!

Мы с Мией переглянулись. Стало понятно: дисциплина тут будет пожестче, чем в Зимовье.

Потом был вводный урок в кабинете: классный час, расписание, напутствия. Я слушала вполуха, понимая, что первый курс для меня будет прогулкой по знакомым местам. Знания за 10–11 классы давали мне огромную фору — я знала, что закрою всё на «отлично», пока другие будут только вникать в программу.

Когда мы вышли из здания, я увидела то, что заставило моё сердце сжаться. Мию встречал парень. Она была совсем крошечной, как и я, темноволосой и очень стройной — полная противоположность моим формам. А её парень... он был её антиподом. Лысенький, полненький, едва выше неё. Я удивилась её выбору, но когда увидела в его руках букет цветов, все вопросы отпали. Это было так просто и так искренне.

В этот момент я остро почувствовала укол грусти. Мне было радостно за подругу, но одновременно стало невыносимо одиноко. Я представила на этом месте Дара. Как бы я хотела, чтобы он сейчас стоял здесь, в Гавани, с цветами, встречая меня после первого дня. Я смотрела на этот букет и думала: а что важнее? Охалка роз здесь и сейчас или голос в трубке за сотни километров? В мире, где все гонятся за картинкой, моя любовь измерялась не цветами, а процентами зарядки на телефоне и редкими гудками в ожидании ответа.

Прощание с родителями у машины не было просто «пока,

до выходных». Это было официальное закрытие моего детства. Того самого, что прошло в Зимовье под присмотром и в рамках. Я смотрела на маму, папу и Раду, и вдруг ком подкатил к горлу. Я плакала навзрыд, не пряча лица. И они плакали тоже. В этот миг исчезли все обиды из-за экзаменов и Дара. Осталось только пронзительное осознание: я больше не вернусь в свою детскую комнату хозяйкой. Теперь я там — гость.

Когда я впервые повернула ключ в замке и зашла в пустую двухкомнатную квартиру, тишина внутри была почти осязаемой. Родители купили её, чтобы уберечь меня от общаги, оставив вторую комнату для себя «на всякий случай». Но в тот вечер этот случай ещё не наступил. Я была одна. Совсем одна.

Я поняла странную вещь: свобода не пахнет духами. Она пахнет тишиной и пылью в пустых комнатах. Взрослость — это не когда тебе можно всё, а когда ты закрываешь дверь на замок и осознаешь, что теперь ты сама отвечаешь за каждый свой вдох. Я села на подоконник и набрала единственный номер, который мог спасти меня от этой пустоты.

— Всё, — выдохнула я, когда Дар ответил. — Они уехали. Я одна.

Я рассказала ему всё: про Мию, про завуча, про дрожащие руки.

— Солнце, я так рад за тебя, — его голос звучал как самое теплое одеяло. — Ты вырвалась. Ты справилась. Просто жди

меня. Я приеду в декабре, перед самым Новым годом. Мы покатаемся по всей Гавани, я покажу тебе такие места, что ты влюбишься в этот город. Обещаю.

Его слова стали моим якорем. Боль отступила, уступив место ожиданию декабря.

Взрослая жизнь обрушилась на меня звуком будильника в 5:30 утра. Чтобы успеть к восьми, нужно было выйти ровно в 6:30. Мой новый ритм напоминал армейский: сборы в полумраке и бесконечный час в душном, забитом автобусе. Стоять в проходе, пока тебя качает на поворотах, — сомнительная плата за независимость.

Первая неделя прошла в тумане. Шестидневка выматывала. Я возвращалась домой без сил в половине седьмого вечера, а впереди ещё было домашнее задание. К субботе я чувствовала себя выжатым лимоном. Вечером, созваниваясь с мамой, я попросила:

— Мам, пожалуйста, не звони мне завтра утром. Я хочу просто выспаться. Дай мне хотя бы в воскресенье прийти в себя.

Я была уверена, что меня услышали. Но в девять утра воскресенье комнату разрезал звонок.

— Алло... — мой голос был хриплым от сна.

— Проснулась? — как ни в чем не бывало спросила мама. Внутри всё закипело.

— Мам, я же просила! Я хотела выспаться!

Развивать тему было бесполезно — это привело бы только

к новой ссоре. Я лежала, глядя в потолок, и понимала: даже в другом городе невидимые нити контроля всё ещё пытаются меня дергать. Почему любовь родителей часто выглядит как попытка взломать твою дверь без стука? Свободу не дарят в обертке. Её забирают по кусочкам, молча выключая звук на телефоне.

Вторые выходные я провела иначе. В субботу мы с Даром провисели на связи до часу ночи. Это были лучшие часы — когда весь мир за пределами квартиры переставал существовать. Наученная опытом, я снова предупредила маму, но на этот раз просто выключила звук на телефоне. Совсем.

Проснулась я в двенадцать дня. Сама. Солнце заливало комнату, и это было первое утро, когда я почувствовала себя по-настоящему свободной. Потянулась к телефону — пропущенный от мамы ровно в девять утра. Никакого удивления.

Я перезвонила.

— А ты почему в девять не отвечала? — голос мамы звучал так, будто я совершила преступление.

— Так я же тебе сказала, что буду спать, — спокойно ответила я. — В прошлый раз ты меня не услышала, поэтому теперь я просто выключила звук.

В трубке повисла тяжелая пауза. Никаких извинений — мама просто перевела тему. Это молчание было понятнее любых слов: мои границы приняли к сведению, но соглашаться с ними никто не собирался. Но мне было всё равно.

Я отвоевала свои три часа сна и своё право решать, когда начинать утро.

ГЛАВА 9. ТРИ НЕДЕЛИ ТИШИНЫ

Воскресенье началось с тишины. На часах было двенадцать дня, и я проснулась сама — без навязчивых звонков в девять утра, без грохота посуды на кухне и маминого контроля. Солнечный луч медленно полз по обоям моей квартиры в Донской Гавани. Я просто растянулась на кровати, занимая её всю: никто не тянул одеяло, не звал завтракать, не нужно было подстраиваться под чужой ритм. Я впервые понастоящему кайфовала от одиночества. Это было идеальное утро, а вечер обещал быть еще лучше — я ждала звонка от Дара.

Когда телефон наконец запел, я схватила его так быстро, что чуть не выронила. Улыбка сама растянула губы. Его вызов я не перепутала бы ни с чем. На этот контакт у меня стояла та самая песня:

«Здравствуй, небо в облаках, здравствуй, юность в сапогах... Пропади моя тоска, вот он я — привет, войска!»

Сразу перед глазами всплыло Зимовье. Наш дом, родители, бабушка. Я отчетливо видела, как Рада несется ко мне по коридору, зажав мой мобильник в маленьких руках. Сначала она просто кричала на весь дом: «Тебе Дар звонит!». А потом выучила слова. В следующие разы она уже не просто несла трубку — влетала в комнату и во весь голос орала: «Для печка-а-али нет причи-и-ин!». Это было наше малень-

кое шоу. Под аккорды этой песни я всегда знала — сейчас всё будет хорошо.

Но в этот раз голос Дариана в трубке прозвучал сухо и слишком серьезно.

— Солнце, у меня новости.

Пальцы, сжимавшие пластиковый корпус, сразу похолодели. Я начала машинально ковырять заусеницу на большом пальце — верный признак того, что я занервничала.

— Хорошие или плохие? — я постаралась, чтобы голос не дрогнул.

— Нейтральные. Еду в командировку. На три недели. — Это обязательно?

— Амелия, тут не спрашивают. Едут все. Ты не переживай. Там, грубо говоря, пустыня и куча палаток. Это недалеко от части, но связь ловит через раз. Будем слышаться редко. Может, раз в три дня, может — в неделю. Вроде обещали, что получится созваниваться короткими перебежками.

Я сжала телефон так, что костяшки побелели. Три недели. Двадцать один день. Бесконечные часы тишины.

— Блин, я так привыкла, что мы общаемся каждый день...

— Ну что ты опять, — мягко перебил он, и я прямо почувствовала, как он там улыбается. — Всё будет хорошо. Это всего лишь три недели.

— Ты всегда такой неисправимый оптимист?

— А что грустить? Солнце, я люблю тебя. Всё будет нормально.

Его уверенность всегда действовала на меня исцеляюще. Я выдохнула и заставила себя улыбнуться в ответ.

— Я тебя люблю.

Мы отправили друг другу воздушные поцелуи в экран. Это было наше железное правило — каждый разговор заканчивался именно так. Мы довели ритуал до такого автоматизма, что Дар как-то смеясь рассказывал: после долгого доклада отцу по службе он на полном серьезе выдал: «Пап, я тебя люблю!» — и чуть не чмокнул в трубку. Над этим потом долго подшучивала вся семья.

Я нажала «отбой», и в квартире сразу стало невыносимо тихо. Будто звук во всем мире просто выключили. Глядя на черный экран, я понимала: завтра «Юность в сапогах» не зазвучит. Никто не спросит, как я проснулась, никто не пожелает спокойной ночи. Эти три недели вдруг выросли передо мной глухой стеной. Моя взрослая жизнь в Гавани показала зубы: свобода — это не только сон до обеда, но и умение не сойти с ума, когда вокруг царит полный вакуум.

Весь понедельник я ходила как зомби. Тело что-то делало на автомате: подъем в пять тридцать, сборы, час в душном автобусе, где я просто втыкала в пыльное стекло. Лекции проходили мимо сознания. Я ловила себя на том, что каждые пять минут проверяю зарядку, гипнотизирую экран и жду чуда. Хотя головой понимала: связи нет. Пустыня, палатки, тишина. Но сердце всё равно отказывалось верить.

Мия, видя мой остекленевший взгляд, подседа поближе и

помахала своим гаджетом:

— Эй, очнись! Нам стипендию скинули!

Целых семьсот шекелей. Смешные деньги, но для нас это был настоящий капитал.

— Пошли, надо это дело заесть, — потянула она меня за рукав.

Мы зашли в местную кафешку — из тех, где пахнет старым маслом и дешевыми булками. Я сидела, смотрела в окно на поток машин и механически жевала картошку фри. Макаешь в кетчуп, жуешь, глотаешь. Картофель уже давно остыл и стал как резина, но мне было плевать.

Соль, специи, болтовня Мии — всё это служило лишь фоном.

Семьсот шекелей стипендии и остывший бургер — студенческая жизнь как она есть. Городу не было дела до моей тоски, у него был свой ритм. И в тот момент я поняла: мне придется либо сломаться, либо привыкнуть к этой новой, слишком тихой реальности.

Вечером я вернулась домой, бросила сумку у порога и, не зажигая свет, прошла к кровати. Разделась и привычно взглянула на мобильник. В этот миг сердце пропустило удар. Экран мигнул. Уведомление.

«С ума сойти! Да ладно! Связь появилась! — светилось сообщение от Дара. — Мы еще не доехали до места, и тут внезапно поймал сеть. Решил сразу тебе скинуть».

Следом пришла фотография. Он стоял на фоне поезда —

в камуфляже, серьезный и такой родной. Я увеличила снимок, всматриваясь в его глаза, пока они не поплыли от слез. Имя в контактах — «Любимый солдатик» — в этот момент казалось самым правильным на свете.

Я прижала телефон к груди. Экран был теплым, и в темной пустой квартире это тепло ощущалось почти живым. В животе наконец-то расслабился тот узел, который давил с самого утра.

«Спокойной ночи, родная. Сладких снов. Люблю тебя», — прилетело следом.

«И я тебя люблю. Спокойной ночи», — набрала я дрожащими пальцами.

Три недели всё еще были впереди, но этот случайный «привет» из поезда стал для меня мощным зарядом. Я поняла: выдержу. Если он находит способ прорваться ко мне даже сквозь километры и стены вагонов, значит, мы справимся с чем угодно.

ГЛАВА 10. ПЕРВЫЙ БУНТ

На следующее утро я проснулась совсем с другим настроением. Нет, тоска никуда не делась, но я внутренне смирилась: всё, Амелия, режим «онлайн» окончен. Привыкай жить по графику «раз в три дня», если повезет. Я медленно сползала с кровати, собираясь на учебу, как вдруг тишину комнаты разрезал звонок.

Я подпрыгнула от неожиданности, чуть не выронив зубную щетку. Смотрю на экран — он! Сердце заколотилось где-то в горле.

— Алло! — выпалила я, затаив дыхание.

— Доброе утро, солнце! — голос у него был бодрый, выпавшийся, будто он и не трясся в поезде всю ночь. — У меня всё хорошо, мы доехали. Не переживай, я тебя люблю. Мне сейчас нужно бежать, пацанам помогать палатки ставить, обустройстваемся. Когда наберу в следующий раз — не знаю, как получится.

Я стояла посреди комнаты с дурацкой улыбкой во весь рот. Этот короткий разговор перевернул всё.

— Ты меня так обрадовал! — выдохнула я. — Доброе утро. Я тебя люблю. Очень.

— И я тебя. Всё, целую! — раздался наш привычный звук поцелуя, и связь оборвалась.

Коротко, быстро, по-военному. Но мне этого хватило с лихвой. Весь оставшийся день я не просто ходила — я буквально порхала. Автобус не казался таким душным, лекции — скучными, а люди вокруг — серыми. Этот звонок сделал мой день, и теперь даже три недели не выглядели страшной дистанцией.

Но «бабочки» долго не живут. К вечеру усталость накрыла так, что я едва держалась на ногах. Всё по стандарту: пришла, наскоро поела, сделала домашку через силу и вырубилась. Рутинка затягивала, дни сливались в один поток, и я даже сбилась со счета, сколько их прошло с того утреннего звонка. Кажется, шел третий день.

В колледже всё тянулось своим чередом. На большом перерыве Мия, которая без сигарет жить не может, потянула меня на улицу.

— Блин, Амелия, выручай, — заныла она, хлопая по пустым карманам. — Я на прошлой перемене уже стреляла у той девчонки. Неудобно второй раз подкатывать. Пойди ты, попроси одну, а?

Я проследила за её взглядом. У входа стояла девушка: короткая стрижка, бандана, широкие мужские штаны — вся такая резкая, пацанская. По ней сразу было видно, что мальчишки её в этой жизни интересуют меньше всего. Я посмотрела на Мию как на сумасшедшую.

— Ты прикалываешься? Именно к ней?

— Ну да, а что такого? — Мия состроила умоляющую ро-

жицу.

Я тяжело вздохнула:

— Ладно. Только ради тебя.

— Вот было бы тебе уже восемнадцать, я бы тебя просто в магаз послала, — хмыкнула подруга. — Спасибо!

Делать нечего. Я медленно пошла к этой девчонке. На ходу машинально поправила волосы за ухо и заметила, как она тут же зацепилась за меня взглядом. Смотрела она странно — слишком внимательно и изучающе.

Она улыбнулась первой:

— Приветик.

— Привет... — я замялась. — Слушай, а можно у тебя сигарету стрельнуть?

Она не спешила доставать пачку. Окинула меня взглядом с ног до головы, и этот взгляд был совсем не дружеским.

— А тебе шестнадцать-то есть? — спросила она с усмешкой.

Я выпрямилась:

— Шестнадцати нет. Есть семнадцать.

Она продолжала смотреть так, что мне стало не по себе. В её глазах читалось что-то оценивающее. В моей голове был Дар, его звонки из пустыни и наше «люблюцелую», а тут эта незнакомка в бандане устроила мне настоящие смотрины. Она будто специально тянула время — пачку доставала целую вечность. Медленно вытянула одну сигарету. Я уже протянула руку, чтобы забрать её и сбежать к Мие, но не тут-

то было.

Только я коснулась фильтра, как она резко отдернула руку. Я замерла, глядя на неё в упор. Она стояла и усмехалась, разглядывая меня, как диковинную зверушку. Потом еще раз окинула взглядом, дерзко подмигнула и, наконец, вложила сигарету мне в ладонь.

— Подходи еще, — бросила она с такой уверенностью, что мне стало окончательно не по себе.

— Спасибо. А насчет «еще» — посмотрим, — буркнула я и почти бегом вернулась к подруге.

— На, подавись, — я буквально впихнула Мие этот трофей. — Но предупреждаю: я к ней больше в жизни не подойду! Она ко мне натурально подкатывала! Стояла, лыбилась, сигарету то давала, то забирала... Играла, понимаешь? А в конце еще и подмигнула по-хозяйски.

Мия аж курить передумала на секунду. Посмотрела в сторону той девчонки, потом на меня.

— Серьезно? Со мной она так не делала. Просто дала и всё...

— Ну, значит, Мия, у неё на меня какие-то другие планы, — отрезала я. — Пошли на пары, видеть её не могу.

На следующий день нас ждало очередное «испытание» — последней парой поставили физкультуру. Мы с Мией сидели на лавочке в коридоре, чувствуя себя каторжниками.

— Шлак... ну нафига её в самый конец всунули? — простонала подруга. — Давай прогуляем?

Я засомневалась:

— Первый курс всё-таки...

— Да ладно тебе! Он нас в лицо еще не знает.

Слушай, а ты пива не хочешь?

— Хочу. Но кто нам его купит?

— У нас же Лика есть, ей уже восемнадцать. Перельем в обычную бутылку и будем сидеть в парке. Погода — кайф, скоро осень, будет холодно и грустно. А сейчас — самый момент.

Мия умела уговаривать. После одиннадцати лет школьного надзора этот план звучал как манифест свободы. Мой первый бунт.

Вместо душного спортзала мы оказались в парке. В руках — пластиковая бутылка с пивом. Солнце припекало, было удивительно спокойно. Мия курила, мы неспешно болтали, и я впервые наслаждалась тем, что сама решаю, как закончится мой день.

Разговор плавно свернул на парней. Я захлеб рассказывала про Дариана, про наше знакомство и его службу. Мне это казалось романтичным, но Мия только кривилась.

— Я бы не смогла встречаться с военным. Это вечное ожидание. А если там с ним что-то случится? Нет, я бы не стала ждать. Рассталась бы, переболела... Нашелся бы кто-то другой.

Я замерла. Как можно так просто «перелюбить»?

— Ну хорошо, а почему ты выбрала своего? Он же... ну,

полненький.

— Во-первых, не сильно он и полный! — Мия даже обиделась. — Но дело не в этом. Он меня вытащил. В подростковом возрасте на меня... в общем, была попытка изнасилования. Почти дошло до конца. Я была в полном ауते. А он начал приходить каждый день. С цветами, с конфетами. Просто сидел рядом. Так и начали встречаться.

Я сидела в шоке. Весь мой пафос по поводу её «легкомысленности» испарился. Теперь я понимала, почему она так держится за него — он стал её тихой гаванью. Но поражало, как она, пережив такое, старалась относиться к жизни максимально поверхностно. Будто внутри стоял предохранитель: «Больше я себе страдать не позволю».

Мы сидели в тишине. Я думала о Даре в его пустыне и о Мие с её «животиком», понимая: у каждого своя броня. Моя — это верность. Её — нежелание привязываться к тому, кто может не вернуться.

Когда подрулил мой автобус, я запрыгнула в салон и — о чудо! — нашла свободное место. Стоило сесть, как меня начало «развозить» от смеси пива и жары. Голова закружилась. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, стараясь просто дышать.

Дома я провалилась в привычную рутину. Сил не было ни на что. Забираясь под одеяло, я чувствовала, как квартира в Гавани наполняется тишиной. Но в этот раз она не пугала. Я засыпала с одной мыслью: «Пусть завтра. Пожалуйста, пусть

завтра Дар снова поймает сеть.»»

ГЛАВА 11. «ТВОЙ ЗВОНОК»

Сегодняшний день наконец-то решил меня пожаловать. Пар было мало, поэтому я вернулась домой непривычно рано. У меня наконец-то появилось время на саму себя: я не спеша приготовила ужин, залезла в горячую ванну и даже устроила небольшую фотосессию у зеркала в прихожей. Накрасилась, выбрала удачный свет — в общем, занималась всем тем, на что обычно не хватало сил.

И вот, когда я уже выбирала лучший кадр в телефоне, раздалась долгожданная музыка. Тот самый звонок!

Я схватила трубку, и уже через десять минут мы оба заливались смехом. Я в красках расписала ему историю про девчонку в бандане и её странные подкаты.

— Да ты серьезно? — Дар хохотал так громко, что я почти видела его лицо в этот момент. — Прямо подкатывала? Слушай, надо с этим срочно что-то делать, а то тебя там в Гавани украдут, пока я в пустыне сижу!

— Да уж, сама в шоке была, — улыбнулась я. — Но это еще не всё. Только не ругайся... я тут физру прогуляла. Мы с Мией пиво в парке пили из пластиковой бутылки.

Я замерла, ожидая какой-нибудь лекции, но Дар только хмыкнул.

— А чего это я должен ругаться? Это нормальная студен-

ческая жизнь, солнце. Ты меня вообще не удивила. Ты бы знала, что я творил, когда в колледже учился! Я ведь не просто повар-кондитер, я и сушистом успел поработать. Так что план такой: я приеду и накручу нам домашних суши. С меня — готовка, с тебя — аппетит.

У меня аж глаза загорелись.

— Мне уже нравится этот план! Ну а у тебя что нового?

— Да всё стандартно, палатки поставили. Но тут пыльная буря началась — света божьего не видно. Мне нужно было дойти до других палаток, и я в этой мути чуть не заблудился. Реально, шел наугад, благо вовремя сообразил, куда вырुлить.

— Ты меня напугал сейчас...

— Ну что ты, маленькая, — мягко перебил он. — Я же позвонил, значит, всё в порядке.

— А я тут, кстати, пока тебя ждала, решила собой заняться, — добавила я, глядя на себя в зеркало. — Накрасилась, устроила себе целую фотосессию в прихожей. Жаль, ты не видишь. Кажется, я даже чутьчуть похудела.

— Ого, фотосессия? — подхватил он. — Жалко, интернета нет, я бы посмотрел на результаты... Аж интересно стало. Но это уже только когда я в часть вернусь. Слушай, солнце, скоро нужно заканчивать, время поджигает.

У меня сердце упало.

— Блин, так быстро? Я так соскучилась по тебе, Дар...

— Я тоже, солнце. Я тоже. Я ведь, чтобы тебе позвонить,

полтора километра пешком шел, а потом еще пятьсот метров на самую высокую гору лез, чтобы связь поймать. Стою вот сейчас с телефоном...

Он замолчал на секунду, а потом в трубке тихо, но уверенно зазвучал его голос. Он запел:

— Пусть одежду ветер рвёт, ураган пускай ревёт, я по твоим соскучился губам... Наплевать на ураган, наплевать на злой туман, но я приду, ведь ты моя судьба!

На моих глазах уже наворачивались слезы. Я была готова разрыдаться от этой нежности и осознания, что он там, на ветру, поет это для меня. Горло перехватило, а он, закончив куплет, вдруг выдал:

— Классная песня, да? Сектор Газа — «Твой звонок». Послушай на досуге!

Я шмыгнула носом, рассмеявшись сквозь слезы. В этом был весь он.

— Береги себя, — прошептала я. — Спускайся аккуратнее.

— Люблю тебя.

— И я тебя люблю...

В трубке пошли гудки. Я еще долго стояла в прихожей, прижимая телефон к уху. В ту ночь я засыпала в наушниках под эту песню, раз за разом прокручивая его голос. Завтра снова будет колледж, Мия и душные автобусы, но это всё — просто шум. Главное случилось сегодня, там, на его «личной» вершине.

Я лежала в темноте, слушая хриплый голос Хоя, и думала о том, насколько по-разному мы с Мией смотрим на этот мир. Она говорила: «Я бы не смогла ждать, я бы перелюбила». Она выбирала безопасность, чтобы не было больно, чтобы не зависеть от звонка с вершины далекой горы.

Но, засыпая, я понимала — я не хочу «легко». Я не хочу «другого», который будет всегда под рукой просто потому, что так удобнее. Да, мне страшно. Да, я считаю дни и вздрагиваю от каждого шороха телефона. Но в этом страхе и в этих полутора километрах, которые он прошел по жаре ради пяти минут со мной, смысла было больше, чем во всей «правильной» и спокойной жизни.

Говорят, любовь на расстоянии — это испытание. Но для меня это стало чем-то другим. Это стало моей аурой, моей личной силой. И пусть Мия считает, что это «тлеть» и ждать — глупо. Я знала одно: пока он лезет на свои горы, чтобы спеть мне песню, я буду здесь, в Гавани, его самым надежным тылом.

С этой мыслью я и уснула. Впервые за долгое время — абсолютно спокойная.